

- 1861.
- 2 Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990. - С.204.
- 3 *Бабаджанов М.-С.* Заметки киргиза киргизах: очерк / газета «Северная пчела». - № 4. - 1861.
- 4 *Бабаджанов М.-С.* «В Императорское Русское географическое общество», статья // Деятельность. - № 109. - 1968.
- 5 *Бабаджанов М.-С.* Внутренняя киргизская орда // Деятельность. - № 127.- 1870.
- 6 Мастерство журналиста, МГУ, 1987. -С.122.
- 7 *Бабаджанов М.-С.* О каменной бабе, найденной в киргизской степи // журнал Этнографический сборник. - Вып. VI. - 1964.
- 8 *Бабаджанов М.-С.* Охота во внутренней киргизской орде // Журнал Охоты. - № 1-2. - Январь. - 1871.
- 9 *Бабаджанов М.-С.* В императорское русское географическое общество // Ученый архив Г.О., раздел 67, оп. 1, д.4. л. 2-3.
- 10 *Бабаджанов М.-С.* Во Временный Совет по управлению Внутреннею киргизского ордою // ЦГА РК, ф.78, оп.2, д.1470. л.1-2.

Автор өзінің бұл мақаласында Мұхаммед-Салық Бабаджановтың көсемсөз шеңберіндегі тіл және стилін жан-жақты қарастырып дәлелдейді. Коммуникация жағынан қазақ халқы қолданатын ерекше сөздері фразеологиялық тіркестер: архаизм-дер, тарихи сөздер, авторлық неологизмдер кездеседі. Берілген сөздермен байланысты тілдің коммуникациялық мәселелері көрсетіледі. Автор қазақ халқының тілдік коммуникациясын жан-жақты қарастырады.

The author elucidates the creative work of M.-S. Babadzhanov, and comes to light of this famous kazakh publicist, and analyzes language and style of the given publicist. In article are available the words-etnonims of the Kazakh people and set phrases, for example: archaisms, historicism, author's neologisms. In article it is written about problems of language communications. And the author proves features of communication and analyzes language problems of Kazakh people.

4-
бөлім

Раздел 4

Section
4

Шеберлік мектебі

Методика мастерства

Methodology of skill

Категория дистанционности в журналистских текстах

К. Камзин

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

Аннотация. В предлагаемой статье автор, опираясь на теоретические установки известных ученых, рассматривает феномен дистанционности в журналистике с нескольких адресных точек. По его мнению, наряду с объективным сканированием, существует и субъективное освоение этой формы познания. Следовательно, дистанцирование, с одной стороны, - это отстраненность от неприемлемого чего-то, неприятного кого-то; с другой - автономизация свободы личности и взглядов, стремление к независимому мышлению в не свободной среды. Определение дистанции

на практике, по утверждению исследователя, связано еще и с психологическим восприятием человека таких контрастов, как приязнь/неприязнь, привязанность/отчуждение.

Феномен дистанционности.

Понятие дистанции по своей сути неотделимо от осязаемого нами пространства и времени, т. е. к нему по определению приложима физическая номенклатура измерения. И эти узнаваемые обозначительные черты могут быть конкретного визуального или умозрительного характера. Заметим, в современных спортивных репортажах или сообщениях комментатор четко констатирует то, что спортсмен имярек сумел пробежать сто метров за девять целых, восемь сотых секунд, а в площадно-событийных репортажах - столкновение общественных отношений, увеличение дистанции между бедными и богатыми слоями населения и т.д. Надо признать, что о таком разнообразном раскладе жизненного пространства писали в своё время немецкий социолог, один из основоположников конфликтологии Георг Зиммель и французский философ Пьер Бурдьё. Именно в контексте подобных метаморфоз явственно просматривается некий соединительный шов расстояния (пространства) и времени, который и указывает на направление и динамику всего и отдельного процессов. С понятиями удаление и приближение связаны не только физическое составляющее человека, но и реакция природы на антропогенные притязания. Есть возможность на этот контент взглянуть с кон-структива следующего жанрового текста: «Буря бушевала над Петербургом, как возвращенная молодость. Редкий дождь хлестал в окна. Нева вспухала на глазах и переливалась через гранит. Люди пробегали вдоль домов, придерживая шляпы. Ветер хлопал черными шинелями. Неясный свет, зловещий и холодный, то убывал, то разгорался, когда ветер вздувал над городом полог облаков», - то это - уже не стандартная конкретика, а поэтично-философское размышление о природе, времени и человеке, художественное фиксирование исчезающих точек [1, 282.]. Такой же заряд, на мой взгляд, заложен в авторском рассуждении, о том, как «русским читателям, не привыкать чтить писателей, которые любили Россию издавна. Гоголь и Тургенев нередко нуждались в удалении от родины, чтобы воспламениться ностальгическим зарядом» [2]. Другими словами, пространственное удаление, духовная эмиграция личности, стремление к расширению коммуникационного пространства, поиск на чужбине общественного признания тоже

ассоциируется в некоторой степени с дистанцированием от национального реализма и автохонного гнезда. А если увязать дистанционное отдаление с историческими феноменами, то такую судьбу на стороне избрали для себя Абу-наsr аль-Фараби, Захираддин Мухаммед Бабур, Махмуд Кашгари, Мухаммед Хайдар Дулати, Мустафа Чокай и многие другие высокородные и высокочтимые деятели культуры - выходцы из кипчакских степей. Их бывшее географическое переселение, как ни странно, стало и их современным триумфальным социально-культурным возвращением в родную стихию, возвращением через многие годы, через много веков. Как говорили древние мудрецы, remember, esto memog.

Дистанцирование, с одной стороны, - это отстраненность от чего-то неприемлемого, кого-то неприятного, с другой - автономизация свободы личности и взглядов, стремление к независимому мышлению в обременительной среде. Подолгу проживающие в отдалении от Родины, за рубежом, поэт и ученый О. О. Сулейменов, писатель и знаток тюрко-монгольской цивилизации М. М. Магауин, хорошо знают, что творческий профессионализм копится и на расстоянии, и когда становится возможным, он обязательно выстрелит. Эти интеллектуалы, конечно, никогда не забывают, что любое табу - это искусственное ограничение конкуренции и поэтому некоторые готовые жанровые формы они хранят в депозитариях своей памяти.

Согласно платоновской «притче о пещере» и ее истолкованию Мартином Хайдеггером, человек поставлен в своем бытии к сущему так, что видит не весь познаваемый мир в целом, а лишь функционирующие перед его взором тени тех видов, которые в просвете истинного бытия остаются у него за спиной. Он стеснен такой мотивированностью, но сыздавна привык к ней. Освобождение от этого плена для него и окружающих равносильно революции. Тем более, что поворот к свету за спиной, а далее и выход из пещеры ослепляет человека, вызывая резь в глазах. В этом слепящем клюфте становится страшно. «Переходы из пещеры в дневной свет и оттуда обратно в пещеру требуют каждый раз изменения

привычки глаз от темноты к свету и от света к темноте».

Платон делает акцент на важности медленного и постепенного привыкания телесного ока, являющегося метафорой души в целом, к свету и к темноте. Правильность взгляда разумного ока требует правильной направленности души, а это, в свою очередь, предполагает принятие всем телом соответствующего положения.

Вот такое личностное восприятие света и тьмы, притягивание к себе былой реальности отмечено в эссе яркого журналиста-аналитика К. С. Смаилова, посвященное Ануару Алимжанову и Олжасу Сулейменову - духовно близких ему персон и успешно творивших в сложносочиненную эпоху, латентных оппозиционеров к коммунистической действительности, во многом не разделявших ее идеологических и идейных концептов. Если у А.Т. Алимжанова и О.О. Сулейменова неприятие советского позитивизма выражалось в выдвигании на передний план национального, тюркского и восточного содержания, то у К. С. Смаилова преобразование общественного мышления - это энергичная апелляция к качественно иному будущему, т.е. своевременное внедрение модерна и инноваций в сознание просвещенного авангарда.

Известный публицист, один из креативных участников строительства культуры в Казахстане, К.

XXI век растревожил покой социума, расширил возможности информационного обмена, по-своему решил проблему научно-культурного общения, интенсивного освоения иного ментального формата. Иначе говоря, глобальная интервенция неумолимо проталкивается почти по всем направлениям общественной жизни, ее активизация напрямую связана с экономическими и культурологическими намерениями Западной цивилизации. Но всеобъемлющее мульти-культурное пламя, как отмечают сами апологеты западофилов, за последние годы начало медленно угасать. Таким образом, многовековая общечеловеческая практика снова подтвердила, что у демократии западноевропейское лицо и она всегда крепко привязана к национальной почве. Паллиатив по этому тракту, однозначно, не проходит.

Да, отечественная журналистика стала более открытой иностранному влиянию, а по сему нашей национальной прессе нужен качественный рынок. Учитывая всевозрастающую актуализацию этой проблемы и в свете обязательных инструкций, ученые-гуманитарии, во чтобы это не стало, хотят прорваться за кордон. Все желают стать

Смаилов, свойственной только ему манере видения окружающего мира выхватывает с почтительного расстояния многомерного потока событий самые выигрышные моменты и образы типа: «Заседания в киностудии всегда проходили в творческой атмосфере. На одном студийном заседании я написал на клочке бумаги следующие слова: «Чем отличается Олжас от Ануара? Ануар считает себя виноватым перед всеми людьми, а Олжас считает всех людей виноватыми перед ним».

Если они иногда и не сходились характерами (многие даже их специально стравливали), то, когда дело касалось истории страны, сложных судьбоносных коллизий народа, они наперекор всему приходили к единому мнению. Потому что очень уважительно относились к своему народу и очень высоко ценили его. Когда разговор шел именно об этом, всякое наносное, никчёмное отсеивалось, забывалось» [3, 136]. Естественно, в авторском смикшированном размышлении о товарищах, о себе четко вырисовывается т.н. эффект транскрипции, в результате которого за скобками неизбежно остаются неписьменные компоненты речи - интонация, смех, мимика, жесты, зрительная коммуникация - т.е. все то, что не позволяет неподготовленному читателю отличить живую речь от написанного текста.

первооткрывателями, все ищут незанятые ниши, даже несколько не задумываясь о том, востребованы ли их исследования по литературе и общественным наукам там, на Западе. Ведь ментальность, ценностные ориентации, постоянное обращение к собственной культуре и истории - критерии сугубо национальные. И не считаться с этой данностью никак нельзя.

Виртуозно играя на этих контрапунктах, некоторые деятели от масс-медиа снисходительно-менторским тоном заявляют, что наша/ваша школа журналистики находится в роли догоняющего. Так могут говорить только те интербарчуки, которые имеют о ней весьма отдаленное представление и в силу своей глухоты к ее речению не способны глубоко вникнуть в проблематику и стилистику национальной публицистики. Абсолютно ясно также, что самодостаточная казахская журналистика не может и не обязана говорить со своим народом на английском, французском или на других языках мира. Другое дело, когда журналисты-международники успешно работают за рубежом, оперативно передавая на родину актуальные новости и социально значимые факты.

Журналистика не должна еще уподобляться мессии, указывающей самые легкие пути преодоления социально-общественного кризиса. Об этом в достаточно убедительной форме писал в свое время К. Смаилов: «Некоторые руководители требуют от журналистов, чтобы они не ограничивались голый критикой недостатков, а рассказывали о способах их искоренения, указывали пути их преодоления. Если журналист на данном этапе смог бы найти легкие пути преодоления экономического кризиса, тогда он бы сидел не в редакции, а в доме правительства. Каждый обязан быть на своем месте и заниматься своим делом. Журналист убедительно и доказательно должен отстаивать правду, не идти на компромисс с несправедливостью (согласитесь, это не совсем легкая ноша!), а искоренение имеющихся недостатков - это прямая обязанность руководителей правительства» [4, 47]. Эти черты, несомненно, были присущи самому автору этих строк, который любил писать не только убедительно, но и убежденно.

Факты получают осмысленность в свете их отнесения к ценности, т.е. осмыслению различных возможностей их видения действующими субъектами. Именно ценностная интерпретация, по Максиму Веберу, учит понимать соответствие факта и его мыслительной обработки, раскрывает перед исследователем то, что смутно и неопределенно «ощущается». В ходе такой интерпретации вовсе не нужно выносить какое-либо оценочное суждение. Мы находим фактическое свидетельство тому, о чем здесь говорит немецкий историк культуры М. Вебер, у Ануара Алим-жанова, писателя, публициста, общественного и государственного деятеля: «Я знаю и люблю стихи Рудаки. И меня вдруг взволновала мысль о том, что, быть может, я сижу на том самом месте, по которому тысячу лет назад проходил сам великий Устод.

Его окружали эти горы. Так же шумели сады, так же буйствовала река, и орлы так же беззвучно носились в небе. Только следы Устода на тропинках и дорогах уже скрылись в пыли веков. Но их можно оживить в своем воображении и попробовать пройти по ним, бережно снимая покрывало с тех далеких дней, как влажный ветер в полдень тихо снимает сонливость со старого цветка.

Поэт любил цветы. Любил розы. Наверное, тогда было много роз в садах. Да и сейчас их немало. Вон они пылают меж яблонь» [5, 22].

Если М. Вебер ставит вопрос о доказательстве причинных соотношений между фактами, вычлененными из бесконечности наблюдаемых явлений, то А. Алимжанов превращает это в возможную практику, максимально приближая к нам

средние века, при этом не обращаясь напрямую к причинно-следственным сведениям. «Конечно, достигается это не посредством простого «наблюдения», - пишет ученый, - во всяком случае, если под этим понимать лишнее всяких предпосылок мысленное «фотографирование» всех происшедших в данном пространственно-временном отрезке физических и психических процессов, даже если бы это было возможно». Непосредственная наглядность исторического факта претерпевает в контексте веберовского рассуждения парадоксальную метаморфозу: она должна быть мысленно представлена иной, чем есть на самом деле. Более того, что есть событие «на самом деле», проясняется только после ухода от фактичности в знание о нем. Следовательно, факт превращается в рассудительную действительность.

Чтобы очистить сам факт от оболочки, О. Сулейменов всегда стремится оторваться от «массовой фактичности». Этот отрыв начинается уже при построении им пространства переменных и завершается расчетом опорных тенденций и взаимосвязей. В одном из своих изысканий он говорит, что «наша история - в слове, которое может стать археологическим материалом, документальным свидетельством присутствия этноса в глубокой истории... Римский историк Тацит (I в. н. э.) говорит о кочевниках, обитавших в низовьях Дуная и степях Северного Причерноморья. Называет их *jazyges*. В Большом Латинско-русском словаре это слово переводится - *языги*. Вернее, перевели не слово, а окончание мн. числа - *es*. Считаю перевод удачным, потому как, возможно, и в оригинале значилось это окончание, правильно понятое и переведенное Тацитом на латинский. Если тюркское *jazyk* - «степь», «равнина» (от *jaz* - «разглаживай», «разравнивай») в славянском получило семантическое развитие

- «степняк», тогда множественное число превращало слово в этноним-кличку *jazyk-i* > *jazygi*

- «степняки» [6, 46-47]. Здесь, как мне кажется, лингвистические персоналии означают не наблюдаемую величину, а тип социальных явлений. Таким образом, у О. Сулейменова главенствующая абстракция превращает индивидуальное явление - т.н. живую фактичность - в событийную точку. В этом заключается существенное ограничение научного метода, составляющего, как показали неокантианцы, контраст «наглядной представляемости действительности». Начало рационального дистанцирования от «живого» во имя самого живого утверждалось ими не только для

отрицания чувственной трактовки истины либо плоского и поверхностного описания повседневных происшествий, но, прежде всего, во имя познания самого живого.

По утверждению неокантиста Генриха Риккерта, только тот может быть назван культурным человеком, кто в состоянии подавить в себе ритм жизни. Поэтому он и настаивал на высылке реальности за пределы разума, намеренно не замечая жизненных всплесков и старался спастись от него расстоянием. Согласно его теории, лишь понятие ценности дает возможность отличить культурные процессы от явлений природы. Понятие ценности позволяет нам выделить из множества индивидуальных предметов действительности нечто цельное, отделить существенное от несущественного. «Лишь отнесение к ценности определяет величину индивидуальных различий. Благодаря им мы замечаем один процесс и отодвигаем на задний план другой. Ни один историк не интересовался бы теми однократными и индивидуальными процессами, которые вызываются Возрождением или романтической школой, если бы эти процессы благодаря их индивидуальности не находились в отношении к политическим, эстетическим или другим общим ценностям» [7, 315-316]. Понятие культуры - это некоторая целостность, в которой историческое познание отделяет существенное от несущественного. Исследователь выделяет, таким образом, кроме понятия бытия, понятие ценности, которое находится как бы наравне с бытием. Ценность - это нечто, которое существует, это «смысл, лежащий над всяким бытием». Более того, область ценностей не только находится вместе с бытием, дополняет его, но и, согласно Риккерту, в определенном смысле противостоит сфере бытия. Он пишет, что мир состоит из действительности и ценностей, рассматривает ценности как некое «совершенно самостоятельное царство, лежащее по ту сторону субъекта и объекта» [8]. Определение дистанции, на мой взгляд, связано еще и с психологическим восприятием человека таких условностей, как приязнь/неприязнь, привязанность/отчуждение.

Известно, что линейная методика измерения расстояния характеризуется одномерностью, не-

прерывностью, упорядоченностью и необратимостью, его движение воспринимается в виде длительности и последовательности процессов и состояний окружающего мира. В связи с этим можно выделить концептуальную дистанцию, относительно к сфере объективно существующего внешнего мира, и чувственно-образную - к сфере восприятия реальной действительности отдельным человеком.

Современная публичная журналистика активно работает в среде динамического реализма, ей свойственна временная дискретность, т.е. способность воспроизведения наиболее существенных фрагментов, отрезков жизни. Отбор этих эпизодов определяется эстетическо-познавательными намерениями автора. Таким образом, в большинстве случаев реальное время намного длиннее публицистического. В этом проявляется закон журналистской экономии, дистанционновременного сжатия, искусственного секвестирования подлинного расстояния и времени.

Литература:

- 1 Паустовский К.Г. Золотая роза. - М.: Советский писатель, 1983. - 368 с. - С. 282.
- 2 Беляева Т. Ирландец вне Ирландии // Литературная газета. - 8-14 февраля 2012.
- 3 Смаилов К. С. Жеті қыр, бір сыр // Әнуармен Ол-жас. - Алматы: Атамұра, 2000. - 224 б. - 136 б.
- 4 Мұртаза Ш., Смаилов К. Елім саған айтам, ел басы сен де тында. - Алматы: Қазақстан, 1998. 176 б. - 47 б.
- 5 Алимжанов А. Собрание сочинений. Том третий. - Алма-Ата: Жазушы, 1990. - 512 с. - С.22.
- 6 Сулейменов О. Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркских языков и письменностей. - Алматы: Атамұра, 2002. - 320 с. - С.46-47.
- 7 Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. - М.: Наука, 1997. - 532 с. - С. 315-316.
- 8 [www.gumer.info>bogoslov_Buks/Philos/FilosFers](http://www.gumer.info/bogoslov/Buks/Philos/FilosFers)
. Риккерт Г. О понятии философии; Логос.

Танымал ғалымдардың қисындарына сүйене отырып, мақала авторы журналистикадағы арақашықтық феноменін әркілі таараптардан қарастырады. Оның ойынша, танымның аталмыш пішінін объективті хаттамалаумен қоса, оны субъективті иге-

ру де бар. Демек, арақашықтық, бір жағынан, қош көрмейтін әлденеден, жағымсыз әлдебіреуден аулақ жүру болса, екінші жағынан, тұлға еркіндігі мен пікірінің оңашалануы, бейеркін ортада тәуелсіз ой толғауға ұмтылу. Зерттеушінің пайымдауына, іс жүзінде арақашықтықты айқындау адамның жақтыру/жақтырмау, жақындық/алыстық сияқты психологиялық қарама-қайшылықтарды қабылдау мүмкіндігіне байланысты.

In this article the author, based on the theoretical setting of famous scientists, examines the phenomenon of remoteness in journalism from several targeted points. According to him, along with objective scanning, there is a subjective development of this form of knowledge. Consequently, one hand the distancing is dispassionateness from unacceptable from something unacceptable, from unpleasant someone, on the other hand it is individual freedom and autonomy of views, the desire for independent thought outside of the free environment. Determination of the distance, in practice, according to the researcher, also connected with the psychological perception of a person of such contrasts as affection / dislike, attachment / alienation.

Герменевтический круг и художественный хронотоп в литературных и журналистских произведениях

Н. Кенжегулова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

УДК 070

Аннотация. В данной статье рассказывается о применении мастерами пера в литературных и журналистских произведениях уникального приема - художественного хронотопа, который во множественном плане составляет герменевтический круг. В статье описан герменевтический круг, который построен из измененного ритма прозы. Он применяется журналистских жанрах: очерки, эссе, политический портрет, в сатирических жанрах - фельетонах и памфлетах. В статье рассказывается о специфике жанров журналистики.

Герменевтический круг. Художественный хронотоп.

Интерпретация или герменевтика издревле привлекала исследователей художественных произведений. Герменевтика - это, во-первых, толкование сложнейших по смыслу и структуре текстов, например библейских писаний, текстов Корана, во-вторых, это интерпретация одной и той же темы в различных понятийных плоскостях, например, легенда о Галатее отображена как в пьесе Бернарда Шоу [1], так и в фильме «Моя прекрасная леди». Это художественный прием, при котором герои произведений могут находиться поочередно в различных временных и пространственных измерениях. Из основной фабулы таких журналистских или литературных произведений и может складываться так называемый герменевтический круг. Следует сразу отметить, что при наличии герменевтического круга невозможно чисто линейное повествование. Наблюдаются частые переходы как во Времени, так и в Пространстве. Например, в цикле очерков Василия Пескова «Гажный тупик» [2] наблюдается присутствие подобного герменевтического круга. Автор, описывая жизнь семьи Лыковых в течении сорока лет, которые они провели в изоляции от цивилизованного человеческого общества в глухой таежной чаще, часто переходит от прошлого в

настоящее и, наоборот, чем и достигается создание герменевтического круга.

Феномен Времени и Пространства является неотъемлемым аспектом интерпретации художественного текста. И вообще, Время и Пространство как в литературных, так и в журналистских произведениях являются объектами интерпретации, так как в результате творческих действий автора претерпевают различные трансформации.

Время и Пространство как философские категории, так и физические объекты обладают как объективными, так и субъективными свойствами. Например, в философии Время-Пространство делится на три вида [3]:

1. Реальное - в нем конкретно существуют, развиваются и сменяют друг друга реальные объекты и процессы.

2. Концептуальное - это абстрактная хроногеометрическая модель, служащая для упорядочения идеализированных событий, которые можно представить следующим образом:

а) отражение реального Времени и Пространства на уровне понятий (концептов), имеющих одинаковый смысл для всех людей;

б) виртуальное Время - это время, представленное в компьютерных сетях.